«Захватывающая история»
ДЖЕЙСОН РЕЙНОЛЬДС

«Гениально!»
ДЖОН ГРИН

18+

ВСЯ ВАША НЕНАВИСТЬ

ЭНДЖИ ТОМАС

ЭНДЖИ ТОМАС

ВСЯ ВАША НЕНАВИСТЬ

Перевел с английского Никита Зркха

ANGIE THOMAS
THE HATE U GIVE
BALZER + BRAY
An Imprint of HarperCollins Publishers

Table of Contents

- ЧАСТЬ 1. КОГДА ЭТО СЛУЧИЛОСЬ
  - ОДИН
  - ДВА
  - ТРИ
  - ЧЕТЫРЕ
  - ПЯТЬ
  - ШЕСТЬ
  - СЕМЬ
  - ВОСЕМЬ
  - ДЕВЯТЬ
  - ДЕСЯТЬ
  - ОДИННАДЦАТЬ
  - ДВЕНАДЦАТЬ
  - ТРИНАДЦАТЬ
  - ЧЕТЫРНАДЦАТЬ
  - ПЯТНАДЦАТЬ
- ЧАСТЬ 2. ПЯТЬ НЕДЕЛЬ СПУСТЯ
  - ШЕСТНАДЦАТЬ
  - СЕМНАДЦАТЬ
  - ВОСЕМНАДЦАТЬ
  - ДЕВЯТНАДЦАТЬ
- ЧАСТЬ 3. ВОСЕМЬ НЕДЕЛЬ СПУСТЯ
  - ДВАДЦАТЬ
- ЧАСТЬ 4. ДЕСЯТЬ НЕДЕЛЬ СПУСТЯ
  - ДВАДЦАТЬ ОДИН

ЧАСТЬ 5. ТРИНАДЦАТЬ НЕДЕЛЬ СПУСТЯ — РЕШЕНИЕ
ДВАДЦАТЬ ДВА
ДВАДЦАТЬ ТРИ
ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ
ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ
БЛАГОДАРНОСТИ

Бабушке, которая показала мне,
что даже во тьму может пробиться свет

ЧАСТЬ 1
КОГДА ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

ОДИН

Не стоило приходить на эту вечеринку.

Кажется, мне здесь не место. Я не задираю нос, просто есть такие тусовки, где недостаточно просто быть собой, да и маски надевать бесполезно. Вечеринка Большого Дэ на весенних каникулах — одна из таких тусовок.

Вслед за Кенией я протискиваюсь сквозь потные тела. На ее плечах пружинят кудри. По комнате расплывается пахнущая травой дымка, полы дрожат от музыки. Какой-то рэпер призывает народ на нэй-нэй [1], в ответ раздаются радостные крики, и все начинают танцевать. Кения поднимает стакан — и дальше идет, пританцовывая. Учитывая головную боль от орущей музыки и тошноту от дымящего плана, я удивлюсь, если мне удастся пересечь комнату, ничего не пролив.

Наконец мы выныриваем из толпы. Дом Большого Дэ набит до отказа. Я тысячу раз слышала, что на вечеринки в весенние каникулы приходит каждый встречный и поперечный — словом, все, кроме меня, — но, блин, я и не думала, что будет так много людей.

Девичьи волосы покрашены, уложены, завиты. На их фоне я со своим хвостиком чувствую себя простушкой. Парни в сияющих

новизной кроссах и приспущенных штанах так плотно прижимаются к девчонкам, что хоть презервативы подавай. Моя бабуля часто говорит, что весна приносит любовь. Весна в Садовом Перевале любовь приносит не всегда, зато к зиме обязательно обеспечит всех малышами. Не удивлюсь, если бóльшая часть из них будет зачата на вечеринке у Большого Дэ. Он, как всегда, благоразумно закатил ее в пятницу, чтобы в субботу все могли отойти, а в воскресенье — покаяться.

— Хватит меня преследовать, Старр. Иди потанцуй, — вздыхает Кения. — Все и так решили, что ты слишком много о себе возомнила.

— Не знала, что в Садовом Перевале живут экстрасенсы.

Или что обо мне думают не только как о «дочке Большого Мэва из магазина».

Сделав глоток, я тут же сплевываю. Я, конечно, догадывалась, что это не совсем гавайский пунш, но пойло в стакане намного крепче, чем я привыкла. Его и пуншем-то не назовешь. Скорее, спиртом. Я ставлю стакан на столик и вздыхаю:

— Меня убивают такие люди. Откуда им знать, что у меня в голове?

— Да я просто говорю… Ты ведешь себя так, будто из-за этой твоей школы ты какая-то особенная.

Я уже шесть лет слышу нечто подобное — с тех пор как родители перевели меня в частную школу Уильямсон.

— Да пофиг, — бурчу я.

— И одеться могла бы не как… — Кения высокомерно окидывает меня взглядом от кроссовок до безразмерной худи. — По-другому, короче. А это разве не кофта моего брата?

Нашего брата. У нас с Кенией есть старший брат, Сэвен, но мы с ней не сестры. У нее с Сэвеном — общая мама, а у меня с Сэвеном — папа. Все запутанно, сама знаю.

— Ага.

— Как всегда. А знаешь, что еще говорят? Говорят, что ты моя девчонка.

— Думаешь, меня это колышет?

— Нет! В том-то и проблема!

— Плевать.

Если бы я знала, что Кения устроит мне «*Экстремальное преображение*» [2], то осталась бы дома, пересматривать «*Принца из Беверли-Хиллз*» [3]. В джорданах удобно, и, блин, они совсем новые — получше, чем у многих. Худи великовата, но мне нравится. Плюс, если натянуть ее на нос, не чувствуется запах травы.

— Короче, весь вечер я нянчиться с тобой не буду, так что займись уже чем-нибудь, — ворчит Кения и осматривает народ.

Честно говоря, она могла бы стать моделью. У нее безупречная темная кожа (наверное, ни одного прыща в жизни не было), раскосые карие глаза, длинные ресницы (свои, не нарощенные) и рост для модели идеальный. Правда, она поплотнее зубочисток с подиума.

Кения никогда не надевает один и тот же наряд дважды. Кинг, ее папочка, обеспечивает ей такую возможность.

А еще Кения — единственная в Садовом Перевале, с кем я тусуюсь. Сложно найти друзей, когда до школы сорок пять минут ходу, а все свободное время ты работаешь в семейном магазине. С Кенией проще из-за общего брата, хотя иногда она адски истерит. Вечно с кем-то скандалит и никогда не забывает напомнить, что

ее папочка надерет всем задницы. Это, конечно, правда, но лучше бы она не устраивала заварухи, только чтобы лишний раз козырнуть. Блин, я-то тоже так могу. Все знают, что с Большим Мэвом шутки плохи, а с его детьми и подавно. Но я, в отличие от некоторых, истерик без повода не закатываю.

Вот и сейчас Кения буравит взглядом Деназию Аллен. Про Деназию я особо ничего не знаю — только то, что они с Кенией недолюбливают друг друга с пятого класса. Сегодня Деназия танцует посреди зала с каким-то типом и не обращает внимания на Кению. Но, куда бы мы ни пошли, Кения выискивает ее в толпе и *пялится*.

Это общеизвестный факт: если долго-предолго таращиться на человека, он рано или поздно почувствует, что его приглашают кому-то вломить. Или наоборот, у кого-нибудь выхватить.

— Уф! Терпеть ее не могу, — цедит Кения. — Стоим мы на днях в очереди в столовке, а она гонит про меня всякую хрень, тупо за моей спиной. Имени не называла, но я все поняла. Говорила, типа, я пытаюсь замутить с Деванте.

— Че серьезно? — Я реагирую так, как должна.

— Ага. Только он меня не волнует.

— Само собой. — Честно? Понятия не имею, кто такой этот Деванте. — А ты что?

— А ты как думаешь? Оборачиваюсь к ней и говорю, типа: у тебя какие-то проблемы? А она: «Я не о тебе». Банальная отмаза. Трепалась она, конечно, обо мне! Тебе так везет, что ты ходишь в эту школу для белых — не приходится иметь дело со всякими шлюхами.

Теперь понятно? Пять минут назад я была зазнайкой из-за того, что хожу в Уильямсон, а теперь мне «везет».

— Поверь, шлюх хватает и там. Шлюшность вездесуща.

— Сегодня мы поставим ее на место.

Злобный взгляд Кении становится еще злобнее, и Деназия, ощутив его на расстоянии, оборачивается.

— Ага, — с вызовом отвечает Кения, точно Деназия ее слышит. — Смотри-смотри.

— Подожди-ка… *Мы?* Ты поэтому уломала меня сюда прийти? Парный рестлинг тут хочешь устроить?

У нее хватает наглости оскорбиться.

— Как будто тебе было чем заняться или с кем тусоваться! Да я тебе одолжение делаю.

— Серьезно, Кения? Ты в курсе, что у меня есть друзья?

Она закатывает глаза. Старательно. Пару секунд видны только белки.

— Белые мажорки из твоей школы не считаются.

— Они не мажорки. И еще как считаются. — Наверное. У меня хорошие отношения с Майей. А вот насчет Хейли я в последнее время не уверена. — Честно? Если, по-твоему, втянуть меня в драку значит помочь социализироваться, то нет, спасибо. Блин, вечно ты разводишь какую-то драму.

— Ну пожа-а-алуйста, Старр! — Кения сильно растягивает «пожалуйста». Слишком сильно. — План такой. Подождем, когда она отойдет от Деванте, а потом…

На бедре вибрирует телефон. Я смотрю на экран. Я не отвечала на звонки Криса, поэтому он начал писать.

Может, поговорим?

Я не хотел, чтоб все так вышло.

Конечно нет. Вчерашний день он хотел провести совершенно по-другому, в том-то вся и проблема. Я засовываю телефон в карман. Не знаю, что ему ответить, — разберусь позже.

Кто-то кричит:

— Кения!

Сквозь толпу к нам идет крупная светлокожая девушка с прямыми волосами. За ней — высокий парень с мелированным афроирокезом. Они обнимают Кению и делают ей комплименты.

А меня здесь как будто и нет.

— Почему не сказала, что придешь? — спрашивает девушка и засовывает в рот большой палец. Наверное, из-за этой привычки у нее неправильный прикус. — Мы бы тебя подвезли.

— Не, подруга, мне надо было за Старр заскочить, — говорит Кения. — Мы пришли вместе.

Теперь они замечают, что я стою в шаге от них. Парень оценивающе на меня косится и хмурится всего долю секунды, но я это замечаю.

— Ты дочка Большого Мэва? Большого Мэва из магазина?

Видите? Для окружающих это как будто мое имя по документам.

— Ага.

— О-о-о-о! — восклицает девушка. — А то я думаю, где я тебя видела. Мы учились вместе в третьем классе. У мисс Бриджес. Я сидела прямо за тобой.

— О…

Знаю, сейчас я должна ее вспомнить, но не могу. Наверное, Кения права — я и правда никого не знаю. Тут много знакомых

лиц, однако, когда засовываешь покупки в пакет, имен и подробностей из жизни тебе не сообщают.

Зато всегда можно приврать.

— Да, я тебя помню.

— Не заливай, — говорит парень. — Я же вижу, ты ее вообще не знаешь.

— *Why you always lying*? [4] — хором затягивают Кения с подругой. Вскоре к ним присоединяется и парень, и они вместе начинают ржать.

— Ладно, хватит, — говорит Кения, посерьезнев. — Бьянка, Ченс, ведите себя прилично. Это первая вечеринка Старр. Предки ее никуда не пускают.

Я бросаю на нее взгляд исподлобья.

— Вообще-то, Кения, я хожу на вечеринки.

— Вы хоть раз ее на тусах видели? — спрашивает Кения у ребят.

— Не-а!

— Вот именно. И, если что, унылые праздничкибелых в пригороде не считаются.

Ченс с Бьянкой прыскают. Мне хочется натянуть худи до подбородка.

— По-любому, они там все время Молли [5] закидываются, так? — спрашивает меня Ченс. — Белые любят таблетки.

— И Тейлор Свифт, — добавляет Бьянка с пальцем во рту.

Это правда, но я не собираюсь ничего подтверждать.

— Да нет, вообще-то вечеринки у них довольно крутые, — говорю я. — У одного парня на дне рождения выступал Джей Коул [6].

— Ого! Че, реально? — спрашивает Ченс. — Бли-и-ин! В следующий раз зови меня, я тогда и с белыми позажигаю.

— Короче, — перебивает Кения. — Мы тут обсуждали, как вздрючить Деназию. Эта сучка пляшет с Деванте.

— Известная тема, — говорит Бьянка. — Ты же знаешь, что она про тебя рассказывает? На прошлой неделе на уроке мистера Дональда Алия сказала…

Ченс закатывает глаза.

— Буэ, мистер Дональд!

— Ты просто бесишься, что он тебя выгнал, — усмехается Кения.

— Еще, блин, как!

— Короче, Алия сказала мне, что… — продолжает Бьянка, и я снова теряю нить разговора: они обсуждают одноклассников и учителей, о которых я ничего не знаю.

Сказать мне нечего. Впрочем, какая разница? Все равно я невидимка. Здесь это чувство меня не покидает.

Какое-то время ребята перемывают кости Деназии и преподам, а потом Кения говорит что-то про выпивку, и все трое куда-то уходят, оставив меня одну. Теперь я, словно Ева, отведавшая запретный плод в райском саду, внезапно осознаю свою наготу. Совсем одна — на вечеринке, где мне не место. Где я не знаю никого, кроме той, что молча меня здесь бросила.

Кения неделями уговаривала меня пойти на эту вечеринку. Я знала, что мне будет жуть как неловко, однако всякий раз, когда я отказывалась, она заводила одну и ту же песню — мол, я веду себя так, будто «слишком крута для тусовки в Саду». Наконец я устала от этого бреда и решила доказать ей обратное. Проблема заключалась лишь в том, что убедить моих предков отпустить

меня на эту вечеринку смог бы только Чернокожий Иисус, а потому я им ничего не сказала. И, если они узнают, что я сегодня здесь, спасти меня сможет тоже лишь он один.

На меня все глазеют, мол: «Кто эта девка и почему она, как дура, в одиночестве подпирает стенку?» Я засовываю руки в карманы. Если сохранять спокойствие, притворяться крутой и избегать контакта с людьми, все будет хорошо. Ирония здесь вот в чем: в Уильямсоне притворяться крутой мне даже не приходится. Там я крутая по умолчанию — как-никак, одна из немногих чернокожих ребят на всю школу. А вот в Садовом Перевале крутость нужно заслужить, и это сложнее, чем покупка ретроджорданов в день релиза.

Забавно, в общем, как все просто с белыми. Для них чернокожей быть круто — по крайней мере, пока нет никаких проблем.

— Старр! — доносится до меня знакомый голос.

Море людей расступается перед ним, словно он — чернокожий Моисей. Парни протягивают ему кулаки, а девушки выворачивают шеи, чтобы хоть разок на него взглянуть. Он улыбается мне, и ямочки на щеках напрочь разрушают его гангстерский образ.

Халиль — хороший парень, по-другому и не скажешь. Раньше мы частенько купались с ним в одной ванне. Ничего такого — это было давно, когда мы еще хихикали над нашими с ним, как говорила его бабушка, пипками. Но, клянусь, ничего извращенного в этом не было.

Халиль меня обнимает; пахнет он мылом и детской присыпкой.

— Как оно, подруга? Сто лет тебя не видел. — Он отстраняется. — Не звонишь, не пишешь. Где ты пропадаешь?

— Школа и баскетбол отнимают все время, — говорю я. — Но вообще-то я каждый день торчу в магазине, это ты куда-то пропал.

Его ямочки исчезают. Он потирает нос — всегда так делает, когда врет.

— Я был занят.

Все понятно. Новехонькие джорданы, белоснежная футболка, бриллианты в ушах. Все, кто рос в Садовом Перевале, понимают, что значит это «занят».

Жесть. Хотела бы я, чтобы он не был занят *этим*. Даже не знаю, врезать мне ему или расплакаться.

Однако Халиль смотрит на меня глазами цвета лесного ореха, так что расстраиваться совсем не хочется. Кажется, будто мне снова десять и сейчас каникулы, а мы с ним в библейской школе, стоим в подвале церкви Вознесения Господня и целуемся — в первый раз. Внезапно я осознаю, что в этой худи выгляжу как черт знает кто… и что у меня вообще-то есть парень. Пусть я не отвечаю на звонки и сообщения Криса, но мы с ним вместе, и я хочу, чтобы так оно было и дальше.

— Как дела у твоей бабушки? — интересуюсь я. — Как там Кэмерон?

— Да у них все норм. Только бабуля заболела. — Халиль отпивает из стакана. — Врачи говорят, у нее рак или что-то типа того.

— Блин… Мне жаль, Хал.

— Ага, она на химии. Хотя, по-моему, ее волнует только то, что придется покупать парик. — Он слабо посмеивается — даже ямочки на щеках не появляются. — Короче, все у нее будет норм.

Это скорее молитва, нежели пророчество.

— А мама помогает вам с Кэмероном?

— Старая добрая Старр, всегда ищешь в людях хорошее. Сама ведь прекрасно знаешь, что никак она не помогает.

— Да я просто спросила. На днях она заходила в магазин и выглядела гораздо лучше.

— Это пока, — кивает Халиль. — Она утверждает, что пытается завязать, но так всегда: завяжет на пару недель, а потом решит, что можно разок вмазаться — и все по новой. Но, поверь, у меня все хорошо, и у Кэмерона хорошо, и у бабули тоже. — Он пожимает плечами. — А это самое главное.

— Ага, — говорю я и вспоминаю, как мы ночами сидели у него на крыльце и ждали его маму. Нравится ему это или нет, но она тоже для него важна.

Музыка меняется — теперь из динамиков читает Дрейк. Я киваю в такт и шепотом читаю вместе с ним. На танцполе все раз за разом кричат: *Started from the bottom, now we're here* [7]. Иногда кажется, что Садовый Перевал и есть то самое дно, о котором поется в песне, однако все мы понимаем, что могло быть и хуже.

Халиль за мной наблюдает. На лице его на миг появляется улыбка, но он сдерживает ее и качает головой.

— Поверить не могу, что ты до сих пор любишь этого нытика Дрейка.

Я выпучиваю глаза.

— Отстань от моего мужа!

— От твоего *слащавого* мужа. *Baby, you my everything, you all I ever wanted* [8], — затягивает Халиль плаксивым голоском. Я пихаю его

локтем, он смеется, и пунш выплескивается у него из стаканчика. — Знаешь же, что он так и поет!

Я показываю ему средний палец, а он вытягивает губы и издевательски чмокает воздух. Мы не виделись несколько месяцев, но уже ведем себя как ни в чем не бывало.

Халиль берет со столика салфетку и вытирает выпивку с джорданов. Это третьи ретро — вышли пару лет назад, но, зуб даю, на нем совсем новенькие. Стоят они около трех сотен баксов, и то если повезет найти на *eBay* сговорчивого продавца. Крис вот нашел. А свои я взяла почти даром — за сто пятьдесят, но только потому, что ношу детские размеры. Благодаря моим маленьким ножкам мы с Крисом можем носить одинаковые кроссы. Да, мы из таких парочек — зато, блин, выглядим стильно. И если он прекратит заниматься фигней, все у нас будет замечательно.

— Крутые кроссы, — говорю я Халилю.

— Спасибо.

Он скребет по джорданам салфеткой. Меня передергивает. С каждым его движением обувь отчаянно зовет меня на помощь. Честно, каждый раз, когда кто-нибудь неправильно чистит кроссовки, где-то в мире умирает котенок.

— Халиль, — говорю я, еле сдерживаясь, чтобы не вырвать салфетку у него из рук. — Либо аккуратно води вперед-назад, либо просто прикладывай. Тереть не надо, честное слово.

Он с ухмылкой поднимает на меня взгляд.

— Окей, мисс Сникерхед [9]. — И, слава Чернокожему Иисусу, теперь салфетку он просто прикладывает. — Я же из-за тебя облился, так что могу затребовать с тебя чистку.

— Это обойдется вам в шестьдесят баксов.

— Шестьдесят?! — возмущенно выпрямляется он.

— А ты думал! Будь у них прозрачная подошва, взяла бы все восемьдесят. — Попробуй такую отмой. — Комплект для чистки тоже прилично стоит. Ну а ты, по ходу, отлично зарабатываешь, раз смог их себе позволить.

Халиль, будто не слыша меня, делает глоток.

— Блин, крепкая штуковина. — Потом ставит стаканчик на стол. — Слушай, передай своему папе, что нам надо поговорить. Я с ним кое-что обсудить хочу.

— Что именно?

— Это только взрослых касается.

— А ты у нас прямо взрослый.

— Старше тебя на пять месяцев, две недели и три дня. — Он подмигивает мне. — Видишь, не забыл.

Тут на танцполе поднимается шум. Люди перекрикивают музыку. Отовсюду доносится ругань. Моя первая мысль — что Кения, как и обещала, добралась до Деназии. Однако голоса у кричащих ниже, чем у них.

Бах! Раздается выстрел. Я пригибаюсь.

Бах! Второй выстрел. Толпа несется к двери, и воплей становится все больше, поскольку всем и сразу выйти из здания невозможно.

Халиль хватает меня за руку.

— Идем.

Я никак не могу найти Кению — народу слишком много, и волосы завиты у каждой второй девушки.

— Но Кения…

— Забудь о ней, идем!

Он тянет меня сквозь толпу, расталкивает встречных и наступает им на ноги. Одного этого достаточно, чтобы схватить пулю. В поисках Кении мой взгляд скачет с одного перепуганного лица на другое, однако ее нигде не видно. Я стараюсь не смотреть, кто стреляет и кто ранен. Если ничего не знаешь, то и настучать не получится.

Снаружи какая-то тачка на полной скорости уносится прочь, а народ в темноте бежит врассыпную, подальше от перестрелки. В полумраке Халиль ведет меня к припаркованной «импале» и проталкивает через водительское сиденье на пассажирское. В следующий миг машина с пронзительным визгом трогается с места, оставив суматоху в зеркале заднего вида.

— Вечно какое-то дерьмо, — бормочет Халиль. — Ни один движ без стрельбы не обходится.

Говорит он прямо как мои родители. Потому-то они меня, как сказала Кения, «никуда не пускают». По крайней мере, никуда в Садовом Перевале.

Я пишу Кении. Надеюсь, она в порядке. Сомневаюсь, что пули предназначались ей, но им не прикажешь, куда лететь.

Кения отвечает почти мгновенно.

Я в норме

Вижу эту сучку и собираюсь надрать ей зад

А ты где?

Нет, она серьезно? Мы только что от пуль бежали, а она уже готовится к замесу? Я даже не отвечаю на эту тупость.

У Халиля хорошая «импала» — без выпендрежа, как у некоторых парней. Дорогущих дисков я не заметила; на передних сиденьях потрескалась кожа. Впрочем, обивка в машине

лаймового цвета, так что ее, по всей видимости, немного прокачали.

Я вожу пальцем по трещинке на сиденье.

— Как думаешь, в кого стреляли?

Халиль достает из выемки в дверце щетку для волос.

— Наверное, в кого-нибудь из Королей, — говорит он, расчесывая волосы по бокам. — Я видел Послушников из Сада, когда приехал. Так и знал, что что-нибудь да случится.

Я киваю. Последние два месяца Садовый Перевал стал полем боя в какой-то дурацкой территориальной войне. Я сама родилась «принцессой» — потому что папа когда-то был членом банды «Королей», но потом он вышел из игры, и я потеряла свой уличный статус. Однако, даже не потеряй я его, я бы все равно не понимала, зачем воевать за улицы, которые никому не принадлежат.

Халиль прячет щетку и врубает на стерео какой-то старый рэп, который папа ставил тысячу раз. Я хмурюсь.

— Почему ты всегда слушаешь старье?

— Эй, уймись! Тупак — тема.

— Ага, был темой двадцать лет назад.

— Нет, и сейчас тоже. Вот, зацени. — Халиль тычет в меня пальцем — это значит, что он вот-вот разразится очередной философской тирадой. — Пак говорил, что *Thug Life* [10] расшифровывается как *The Hate U Give Little Infants Fucks Everybody* — вся ваша ненависть, которой вы пичкаете детей, в конце концов нас всех отымеет.

Я поднимаю брови.

— Чего-чего?

— Внимательно слушай! *The Hate U* — просто буква *U* — *Give Little Infants Fucks Everybody*. *T-H-U-G L-I-F-E*. То есть то, как общество относится к нам, подросткам, в конечном счете самому же обществу выйдет боком, когда мы окончательно слетим с катушек. Врубаешься?

— Блин. Кажется, да.

— Теперь понимаешь? Я же говорю, он актуален и сейчас.

Халиль поет и кивает в такт. Интересно, что же он делает, чтобы «всех отыметь»?.. Я догадываюсь, но надеюсь, что неправа. Поэтому хочу, чтобы он сам сказал.

— Ну так а чем ты был занят все это время? — спрашиваю я. — Пару месяцев назад папа сказал, что ты уволился из магазина, и с тех пор я тебя не видела.

Халиль наклоняется поближе к рулю.

— Куда тебя подкинуть — домой или к магазину?

— Халиль…

— Домой или к магазину?

— Если ты торгуешь этой дрянью…

— Старр, не суй нос куда не надо! За меня не волнуйся. Я делаю, что должен.

— Бред собачий. Ты же знаешь, мой папа может тебе помочь.

Он потирает нос, прежде чем солгать:

— Мне не нужна помощь, ясно? И от минимальной зарплаты, которую мне платил твой папа, помощи не было никакой. Я устал выбирать между светом и жрачкой.

— Я думала, твоя бабушка работает.

— Так и было, но потом она заболела. Эти клоуны из больницы обещали, что все будет как прежде, но через два месяца ее

уволили. А все потому, что она уже не могла работать как следует, ведь на химии здоровенные мусорные мешки особо не потягаешь. — Он качает головой. — Забавно, да? Ее уволили из *больницы* по болезни.

В «импале» повисает тишина, и только Тупак спрашивает: *в кого ты веришь?* Я не знаю.

У меня снова жужжит телефон. Либо Крис продолжает просить прощения, либо Кения просит помочь ей разделаться с Деназией. Но нет — на экране эсэмэски от старшего брата, написанные большими буквами. Не понимаю, почему он так пишет. Наверное, думает, что это меня пугает, хотя на самом деле только выбешивает.

ТЫ ГДЕ?

НАДЕЮСЬ, ВЫ С КЕНИЕЙ НЕ НА ТОЙ ТУСОВКЕ

Я СЛЫШАЛ ТАМ СТРЕЛЯЛИ

Хуже заботливых родаков только заботливые старшие братья. От Сэвена меня не спасет даже Чернокожий Иисус.

Халиль ненадолго задерживает на мне взгляд.

— Сэвен, да?

— Как ты догадался?

— Когда он с тобой говорит, у тебя такой видок, как будто ты хочешь кому-нибудь вмазать. Помнишь, когда на твой день рождения он без умолку советовал тебе, какие желания загадать?

— Ага, и я въехала ему по зубам.

— А Наташа еще злилась, что ты затыкаешь ее «бойфренда», — смеется Халиль.

Я закатываю глаза.

— Как же она меня бесила своей любовью к Сэвену. Мне кажется, половину времени она приходила, только чтобы его увидеть.

— Да не, она приходила, потому что у тебя были кассеты с «Гарри Поттером». Помнишь, как мы себя называли? Трио-с-района. Дружба теснее, чем…

— …у Волан-де-Морта в носу. Какими же дурачками мы были!

— Скажи? — смеется он.

Мы хохочем, но чего-то нам не хватает. Вернее, кого-то. Наташи.

Халиль смотрит на дорогу.

— Целых шесть лет прошло, прикинь?

И тут мы вздрагиваем от звука *бип-бип*: в зеркале заднего вида мигают голубые огни.

ДВА

Когда мне было двенадцать, родители провели со мной две серьезные беседы.

Первая была обычной, о тычинках и пестиках. Ну, не совсем обычной. Моя мама, Лиза, работает медсестрой, а потому подробно рассказала мне, что и как происходит и чего ни в коем случае не должно происходить, пока я не вырасту. Впрочем, тогда я сомневалась, что со мной вообще может что-либо произойти. Между шестым и седьмым классом у всех девочек уже начала расти грудь, а моя оставалась такой же плоской, как спина.

Вторая беседа была о том, что делать, если меня задержат копы. Помню, мама возмутилась и сказала папе, что я еще слишком маленькая, а он ответил, что для ареста или пули лет мне уже достаточно.

«Старр-Старр, выполняй все, что тебе говорят, — сказал папа. — Держи руки на виду. Не делай резких движений. Говори только тогда, когда к тебе обращаются».

В тот миг я поняла, что все серьезно, ведь папа — главный любитель потрепаться, и раз уж он говорит помалкивать, значит, надо помалкивать.

Надеюсь, с Халилем проводили такие же беседы.

Выругавшись себе под нос, он выключает Тупака и сворачивает на обочину. Мы на Гвоздичной улице, где бóльшая часть домов заброшена, а половина фонарей разбита. Вокруг никого, только мы и коп.

Халиль выключает зажигание.

— Интересно, что этому дурню надо?

Полицейский паркуется и включает фары. Я прищуриваюсь от яркого света и вспоминаю папины слова: «*Если ты не одна, молись, чтобы у твоего спутника при себе ничего не оказалось, иначе повяжут обоих*».

— Хал, в машине же нету ничего такого, правда? — спрашиваю я.

Халиль наблюдает в боковое зеркало, как к нам приближается коп.

— Не-а.

Тот подходит к водительской двери и стучит в окно. Халиль берется за ручку и опускает его. Полицейский светит нам в глаза фонариком, словно слепящих фар недостаточно.

— Права, техпаспорт и страховку.

Халиль нарушает правило — он не делает того, чего хочет коп.

— За что вы нас остановили?

— Права, техпаспорт и страховку.

— Я спросил: за что вы нас остановили?

— Халиль, — умоляю я его, — сделай, как он просит.

Тогда Халиль со стоном достает свой бумажник. Фонарик следует за каждым его движением.

Стук сердца эхом отдается в ушах, но я по-прежнему слышу в голове папины указания: «*Внимательно посмотри копу в лицо. Хорошо, если запомнишь номер жетона*».

Пока свет фонарика следует за руками Халиля, мне удается разглядеть его номер — сто пятнадцать. Белый, лет за тридцать, может, даже за сорок, шатен, стрижка под ежик и тонкий шрам над верхней губой.

Халиль передает полицейскому бумаги и права.

Сто-пятнадцать их осматривает.

— Откуда едете?

— Не ваше дело, — говорит Халиль. — За что вы меня остановили?

— Габаритный разбит.

— Так что, может, выпишете мне штраф? — спрашивает Халиль.

— Знаешь что, умник? Выходи из машины.

— Да блин, просто выпишите штраф…

— Выходи из машины! И подними руки вверх, так чтобы я их видел!

Халиль выходит с поднятыми руками. Сто-пятнадцать хватает его за локоть и с глухим ударом прижимает к задней двери.

Я с трудом выжимаю из себя:

— Он не хотел…

— Руки на щиток! — рявкает на меня полицейский. — Не двигаться!

Я делаю то, что мне сказали, но замереть не получается — слишком уж дрожат руки.

Коп обыскивает Халиля.

— Ну что, умник, посмотрим, что мы у тебя найдем.

— Ничего ты не найдешь, — язвит Халиль.

Сто-пятнадцать обыскивает его трижды, но ничего не находит.

— Стой здесь, — приказывает он Халилю. — А ты, — говорит он, глядя на меня в окно, — не двигайся.

Я даже кивнуть не могу.

Полицейский идет обратно к патрульной машине.

Родители не хотели внушать мне страх перед полицией, но воспитали меня так, чтобы рядом с копами я не вела себя глупо. Они говорили: *«Не двигайся, если коп повернулся к тебе спиной».*

Однако Халиль нарушает правило. Он подходит к передней двери.

«Не делай резких движений».

Халиль нарушает правило. Он открывает дверь.

— Старр, ты в поряд…

Бах!

Раз. Его тело дергается. Из спины брызгает кровь. Он хватается за дверь, чтобы не упасть.

Бах!

Два. Халиль ловит ртом воздух.

Бах!

Три. Халиль ошеломленно смотрит мне в глаза.

И падает.

Мне снова десять. Я вижу, как падает Наташа.

Из моей груди вырывается оглушительный крик: он рвет мне глотку так, что меня трясет, — ведь, если я хочу быть услышанной, кричать должно все тело.

Инстинкт приказывает мне замереть, а все остальное — броситься к Халилю. Я выпрыгиваю из «импалы» и оббегаю машину. Халиль смотрит в небо, словно надеется увидеть Бога. Его рот открыт, как будто он пытается кричать. И я кричу изо всех сил — за нас обоих:

— Нет, нет, нет… — это все, что мне удается сказать, словно мне годик и я знаю одно-единственное слово.

Не понимаю, как я оказалась на земле рядом с ним. Мама говорит, что, если в кого-то попали, нужно попытаться остановить кровь, но здесь ее так много… Слишком много…

— Нет, нет, нет…

Халиль лежит без движения: не произносит ни слова, не издает ни звука, даже не смотрит на меня. Его тело деревенеет. Он умер. Надеюсь, он видит Бога.

Кричит кто-то еще.

Я моргаю сквозь слезы. Сто-пятнадцать орет и целится в меня из того же пистолета, из которого только что убил моего друга.

Я поднимаю руки вверх.

ТРИ

Тело Халиля оставляют лежать на дороге, как на выставке. Гвоздичную улицу освещают мигалки патрульных машин и карет скорой помощи. В стороне стоят люди — пытаются разглядеть, что случилось.

— Черт, братан, — бормочет какой-то парень. — Его прикончили!

Полиция приказывает толпе разойтись, однако никто не слушается.

Медики ничем не могут помочь Халилю, а потому затаскивают в карету меня, как будто это мне нужна помощь. Огни светят со всех сторон, и народ вытягивает шеи, пытаясь меня рассмотреть.

Я не чувствую себя особенной. Чувствую только дурноту.

Копы обыскивают машину Халиля. Я хочу их остановить.

Пожалуйста, накройте его тело. Пожалуйста, закройте ему глаза. Пожалуйста, закройте его рот. Отойдите от его машины. Не трогайте его щетку. Но слова не идут.

Сто-пятнадцать сидит на тротуаре, закрыв лицо руками. Другие полицейские хлопают его по плечу и уверяют, что все будет хорошо.

Наконец тело Халиля накрывают полотном.

Он не сможет под ним дышать.

И я не могу дышать. Не могу…

Дыши.

Я тяжело глотаю воздух.

Еще раз. И еще.

— Старр?

Передо мной появляются карие глаза с длинными ресницами. Такие же, как у меня.

Я толком ничего не смогла сказать копам, но выжала из себя имена и телефоны родителей.

— Эй, — говорит папа. — Вставай, пойдем отсюда.

Я открываю было рот, но отвечаю ему одним только жалобным стоном.

Папа отходит в сторону, и мама обнимает меня за плечи. Она гладит меня по спине и тихонечко врет:

— Все хорошо, малыш. Все хорошо.

Долгое время мы так и сидим. Наконец папа уводит нас от скорой. Он обнимает меня, словно щитом укрывая от любопытных глаз, и ведет по улице к своей «шевроле тахо».

Папа за рулем. По его лицу скользят отсветы фонарей — и в них видно, как крепко он сжимает челюсти. На его лысой голове вздулись вены.

На маме форма медсестры с резиновыми накладками. Сегодня у нее была сверхурочная смена в неотложке. Она несколько раз вытирает глаза — наверное, думает о Халиле и о том, что вместо него на асфальте могла лежать я.

Меня мутит. Из него вытекло столько крови… Часть ее у меня на руках, на худи Сэвена, на кроссовках. Еще час назад мы болтали и весело смеялись. А теперь его кровь…

Во рту становится кисло, желудок сводит сильнее. Меня начинает тошнить.

Мама бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида.

— Мэверик, тормози!